

Мазурка раздалась. Была же,
Когда гремѣлъ пестрый трюмъ,
Во огромномъ залѣ все дружило,
Пары въ тремпѣ жистъ каблукомъ,
Трещало, хребетили ритмъ,
Теперь не ты и мы, иль же жина,
Скользнула по асфальту ласкова.

Бундистъ, братчик мой измѣнилъ,
Къ черной кавказской полковъ,
Татьяну съ Ольгойю приворотъ
Охотникъ съ Ольгойю шепотъ,
Всего те, сыновья измѣнилъ,
И нахорова съ асфальту плыветъ.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

FIAT

РУССКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО АВТОМОБИЛЕЙ ФИАТЪ.

Петербургъ, Москва, Варшава, Харьковъ, Николаевъ, Ростовъ на Д., Рига.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

ЖУРНАЛЪ „КРАСИВОЙ ЖИЗНИ“

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МЯСЯЦЪ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ

въ Петербургѣ	11 руб. 50 коп.
въ Москвѣ	12 руб. 50 коп.
въ провинціи	40 франковъ.

Отдѣльный номеръ — 85 коп., съ пересылкой 1 руб.

Въ каждомъ изъ редакцій для объявленія одинъ №, при подпискѣ сокращается 85 коп.

РЕДАКЦІЯ

Каменноостр. пр., 59, кв. 18. Тел. 211-76 и 145-25, телегр. адресъ: Стинус—Петербургъ.

Сдѣланные номера у газетчиковъ не продаются—только въ больш. книжн. магаз. и книжкахъ жес. дорожн.

Подписки принимаются: 1) С.-Петербургъ, Невскій, 52, Контора „Новаго Времени“ и „Вѣчерняго Времени“, 2) Въ больш. книжн. магаз. и 3) Каменноостр. пр., 59, кв. 18.

Объявленія (съ цензурой редакціи)—по 80 коп. строка непарелю (1/4 часть ширины страницъ).

Цѣлая страница—400 руб.; меньше 1/2, стран. объявленія не печатаются.

Можно печатать лубимъ, самымъ тонкимъ каліше. Цѣдная печать—цѣна по соглашенію, въ зависимости отъ рисунка.

№ 5 выйдетъ 1-го марта 1914 года.

Первый номеръ отпечатанъ двумя изданіями и полностью разошелся. Хотя 2-го января было объявлено, что подписка принимается только безъ № 1, но, въ виду многихъ запросовъ, первый № будетъ отпечатанъ еще однимъ изданіемъ и разосланъ подписчикамъ съ № 5.

Послѣ 1-го марта подписная цѣна будетъ повышена.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

№ 4.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ.

15 ФЕВРАЛЯ 1914 г.

Л. Н. Толстой съ сыномъ Львомъ Львовичемъ (въ 1903 году).

(Received 17. 3. 1989)

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ МОЕГО ДНЕВНИКА 1903 ГОДА.

(9-ое марта).

И вотъ, я опять въ Ясной Полянѣ...

Подъѣзжая къ старой усадьбѣ, какъ всегда, сердце мое забилось сильно и я чувствовалъ, что то, что это случилось со мною, было уже первымъ шагомъ къ обновленію души и тѣла.

Отца засталъ въ залѣ за столомъ съ очень свѣжими, здоровымъ лицомъ.

— Здравствуй, голубчикъ, — сказалъ онъ, и мы обнялись, и я пожалъ его худую руку.

Я никого на свѣтѣ не люблю больше его и никто на свѣтѣ мнѣ не ближе всячески.

Мы понимаемъ другъ друга съ отцомъ съ первыхъ словъ, съ намекомъ, и мнѣ дорого теперь, что я съ нимъ снова тотъ же, что былъ когда-то, въ периодъ нашей дружбы.

Я спросилъ его, какъ онъ себя чувствуетъ. Онъ сказалъ, что хорошо послѣдніе дни, а что недавно болѣла печень.

Мы долго говорили въ залѣ о разныхъ вопросахъ. Отецъ сталъ спрашивать меня о моей большой жезлѣ.

— Неужели твоей жезлѣ давали дигиталисъ? — спросилъ онъ испуганно, когда я сказалъ ему объ этомъ.

Я сказалъ, что давали, но въ небольшой дозѣ.

— Мнѣ дигиталисъ и лѣкарства испортили сердце, — сказалъ отецъ, — раньше не было того, что теперь.

— Просто старость! — замѣтила мать, сидѣвшая тутъ же.

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказалъ отецъ, — раньше никогда не было того, что теперь случается. Иду, и не могу дальше... Слабость, слабость ужасная... долженъ сѣсть.

— Ахъ, эти доктора, — продолжалъ отецъ грустно — пертятся все около того же. Вотъ, напримеръ, каломель. Въ моемъ дѣтствѣ онъ считался полезнымъ и его давали. Потомъ сочли вреднымъ и перестали давать. Теперь опять даютъ!.. Тоже самое съ другими лѣкарствами...

Перешли къ вопросу о вегетарианствѣ, стали говорить о Зеленовыхъ и вегетарианскомъ обществѣ въ Петербургѣ, потомъ о Пауло Трубецкомъ, тоже вегетарианцѣ.

Все хорошо у Трубецкого, — сказали отецъ, вспоминая его скульптуру, — и извозчикъ, и дѣвушка, и даже мой босръ. Фотографіи всегда вѣрно показываютъ, хороша ли скульптурная вещь или картина.

Я рассказалъ отцу о моихъ бесѣдахъ съ моими друзьями Пауло и о томъ, что я совѣтовалъ ему стараться выражать большіе духовной, внутренней сущности жизни въ его вещахъ и что онъ съ этимъ не соглашался, говоря, что довольно изображать природу, какова она есть. Отецъ вспомнилъ о картинѣ Рѣпина „Какой просторъ“ и попросилъ принести номеръ „Новаго Времени“, въ которомъ эта картина была воспроизведена.

— Господи, какая глупость, — сказалъ онъ, — удивительно! И какъ такой прекрасный художникъ можетъ писать такіе глупости? Я такъ люблю Рѣпина, но не могу этого не сказать...

— И у студента совсѣмъ не русское лицо, — сказалъ онъ, разглядывая картину, — и она какая-то жеманная.

Стали говорить о нелѣпой исторіи съ картиной Бунина. Я сказалъ, что возмущался и говорилъ всѣмъ въ Петербургѣ, что меня удивляетъ равнодушіе, какъ допускаютъ такіе вещи.

Отецъ молчалъ. Я рассказывалъ, какъ изображена его фигура на полотнѣ Бунина, и онъ добродушно расхохотался вместе со всѣми нами. Потомъ онъ вспомнилъ о письмѣ какого-то народнаго учителя къ нему, въ которомъ учитель писалъ объ одной изъ моихъ статей въ „Новостяхъ“ и которую учитель хвалилъ.

— Это, должно быть, пріятно тебѣ, — сказалъ онъ.

Я отвѣтилъ, что мнѣ это безразлично, что меня безразлично и что мнѣ это тоже безразлично.

— Ну, нѣтъ, — сказалъ отецъ съ недовѣріемъ, — это не можетъ быть безразлично! Надо притупиться къ этому — такъ.

Но я искренно повторилъ ему, что мнѣ это безразлично потому, что разъ я написалъ и навѣчалъ что-нибудь, то тутъ мнѣ все равно радоваться или огорчаться на мнѣнія другихъ, потому что мнѣнныя этихъ столько и всѣ они такъ различны, что невозможно интересоваться ими. Судя — наша совѣсть, остальное безразлично.

Отецъ спросилъ меня о моей народной пьесѣ „Швейцаръ генералши Антоновой“ или „Безъ корня“, которую я послалъ ему зимой на прочтеніе и о которой онъ далъ мнѣ хороший письменный отзывъ.

... „Моей матери ставьте памятникъ рядомъ съ отцомъ“...

(фотогр. гг. А. А. Яковлева)

силъ, поставлена ли она? Я сказалъ, что нѣтъ и что я отдалъ ее на конкурсъ Петербургскому Худож. Обществу, передѣлавъ кое-что и выкинувъ старика Прокофія, который былъ похожъ на Акима во „Власти тьмы“.

— Нѣтъ, онъ тоже былъ нуженъ, — сказалъ отецъ, — это жалко!.. Вѣдь всегда что нибудь, у кого нибудь украдешь. Вонъ, я читалъ Буренинскія „Стрѣлы“. Какая умища. Необыкновенно! Точно я у него украсть могъ чертъ въ легендѣ. И какъ это цензура пропустила? И какой онъ мастеръ на стихи... Тамъ есть пародія на Некрасова: просто прелесть...

И, въ сущности Буренинъ, одинъ изъ самыхъ большихъ либераловъ. Пишетъ въ консервативной газетѣ, но самъ онъ крайній, да еще какой!..

Разговоръ перешелъ къ „Новому Времени“.

— Оно было бы ничего, если бы не двѣ его главные ошибки, — сказалъ отецъ: — одна ошибка — это отношеніе къ Финляндіи, другая — отношеніе къ евреямъ. Остальное, пожалуй, можно простить. А національная гордость, патриотизмъ — вотъ что ужасно!.. Отецъ перешелъ опять къ Буренину.

— Да, это, несомнѣнно, умный человѣкъ въ Петербургѣ, вотъ и Горькаго онъ одинъ только похвалитъ, не хвалитъ. Хвалитъ его послѣдній разсказъ. Плохо... Ничего хорошаго.

Разговоръ перешелъ къ Розанову, который недавно посѣтилъ Ясную Поляну.

— Я сказала Розанову двѣ вещи, — говорилъ отецъ: — „первое, что меня очень удивило, что онъ на вопросъ, каковы были его религиозныя вѣрованія, не могъ дать мнѣ опредѣленнаго отвѣта, и второе — что онъ пишетъ очень хорошо, но бѣда въ томъ, что въ его писаніяхъ ничего понять нельзя!“

Отецъ былъ пораженъ его малой образованностью. „Онъ ничего не читалъ, онъ даже хорошенько не прочелъ „Въ туманѣ“ Андреева, о которомъ самъ же писалъ!“

Стали говорить о религиозно-философскомъ обществѣ въ Петербургѣ, къ которому отецъ относился скептически. Потомъ о свидѣникахъ Петровѣ.

— Борьба съ злою не должна быть борьбой только съ одной ея стороной, — сказалъ отецъ: — надо бороться со всѣмъ злымъ, что совсѣмъ не борется. Это, какъ вы знаете... Въ Петербургѣ, напримеръ. Если защищаться отъ воды плотинами и оставить только одну маленькую щель, вода пройдетъ черезъ эту щель и зальетъ собой весь городъ... Тутъ шутить нельзя.

Пока я сидѣла у отца, мать принесла свои фотографіи и стала показывать ихъ намъ. И, глядя на моихъ стариковъ-родителей, мнѣ было радостно видѣть ихъ бодрыхъ и занятыхъ, трудящихся вмѣстѣ, дружныхъ болѣе, чѣмъ прежде...

Матери моей ставьте памятникъ рядомъ съ отцомъ, потому что безъ нея онъ не былъ бы собой.

Графиня Л. А. Толстая.

... „Нау... и не могу дальше“...

(фотогр. Гр. Л. А. Толстой).

Что-то, почта не несутъ?—Свѣтло въ просторномъ залѣ...
Я жду письма и вспоминаю Васъ —
Какъ вѣрно Вы тогда сказали,
Что сблизитъ насъ разлука частъ...
Я Васъ люблю сильнѣй... Быть можетъ, завтра, скоро
Мы встрѣтимся опять, какъ встрѣтились вчера...
Да, или нѣтъ?... Гадаю на узорѣ
Стариннаго, персидскаго ковра —
Выходить да!.. Кругомъ одно молчанье,
Порой протяжной трескъ печей —
И хорошо мнѣ здѣсь съ моимъ воспоминаемъ...
И тихой радостью моею...

М. Фоминъ-Эссена.

ПАНУРОВКА, ИМѢНІЕ І. М. МИКЛАШЕВСКАГО.

І.

18-го октября 1815 года въ письмѣ своемъ къ сенатору Михаилу Павловичу Миклашевскому гр. Н. П. Румянцевъ говорилъ:

— „Я самъ тужу, что не засталъ Ваше Превосходительство въ прекрасномъ селеніи Вашемъ, и котораго, позволительно сказать, не въ правѣ хизиною называть. Въ чужихъ даже государствахъ, гдѣ болѣе приобыкли, чѣмъ у насъ къ хорошимъ зданіямъ и по правильной архитектурѣ украшать городскія усадьбы — *немного таковыхъ, Какова ваша.*“

Прельщался я домомъ, а также радовался я введенной вами фабрикѣ; усадьба ваша, конечно, и по цѣлому государству *одна изъ лучшихъ*; кто любить отечество свое и видить устроеніе Ваше, съ удовольствіемъ замѣтить долженъ, что, когда Вы изволите ему служить отлично, какъ сенаторъ, еще о пользѣ его печетесь, какъ помѣщикъ*...

Первыми строками этого письма канцлеръ нисколько не думалъ польстить вкусу владельца Пануровки и строителя его дома. Графъ Н. П. Румянцевъ, строитель многихъ перноклассныхъ построекъ въ своей усадьбѣ, въ Гомелѣ, вовсе не могъ впасть въ пристрастіе. Его собственный богатѣйшій дворецъ по красотѣ, конечно, во много разъ превyšалъ, Пануровскій домъ.

„Пануровскій домъ“, говорить биографъ М. П. Миклашевскаго, Чиколь, — „точно не можетъ не обратитъ на себя вниманіе человѣка со вкусомъ. Планъ его сдѣланъ извѣстными многочисленными зданіями въ Петербургѣ архитекторомъ Гваренги, а лицевая сторона дома, равно какъ и залъ показывають, что все это было однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній венеціанскаго художества“...

Но даже, если эта усадьба и не была „однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній“, то дѣйствительно она была такимъ „произведеніемъ“, которое создалось подъ вліяніемъ лучшихъ образцовъ именно этого „венеціанскаго“ художества, отразившагося въ формахъ постройки.

Быть можетъ, и не самъ Джакомо Гваренги составлялъ проектъ; даже почти навѣрно можно сказать, что не онъ самъ строилъ этотъ домъ; возможно авторство и другого, одновременно съ Гваренги, прѣхавшаго въ Россію задѣло — Тромбаро, воздвигавшаго во многихъ мѣстахъ средней полосы Россіи усадьбы и городскія зданія (ряды, присутственные мѣста*). И также сомнительно указаніе на авторство Гваренги въ сосѣднихъ съ Пануровкою постройкахъ: въ домѣ с. Гриньева (кн. Голицына) и Батурина (нынѣ уже опровергнуто первоначальное приписываніе Гваренги этого дворца, теперь найдены планы, подписанные Чарльзомъ Камерономъ и, такимъ образомъ, даже вѣроятность участія Ринальди поколеблена значительно).

Но если бы даже „Гриневъ“ (домъ этой усадьбы болѣе богатыхъ, нежели Пануровскій, формы) и другія зданія этого края („Ляличи“ гр. Н. В. Завадовскаго) строилъ самъ Гваренги — это не исключало бы возможности сооруженія „Пануровки“ другимъ задѣломъ; вѣроятность же его авторства должна быть подтверждена сомнѣнію воть еще по какому основательному поводу.

Конечно, портикъ дома, пропорція колоннъ, ихъ стройный силуэтъ, скромность убранства стѣнъ (отсутствіе наличниковъ оконъ), разѣры оконъ, сочность лѣпки акавовыхъ канітелей — все это указывають на руку омытнаго, лучшаго изъ провинціальныхъ задѣловъ. Но неужели могъ „Гваренги“, любившій Екатерину II, такой авторитетный и самостоятельный задѣлъ, почти скопировать планъ проектируемаго изъ

Большой зал Пануровского дома.

ФОТ. Е. М. ЖЕЛАЗЕНСКОЙ

дома сь плана виллы Conte Valmagna (миллѣ Rossi) въ Лизьерѣ (близъ Виченцы) въ Сѣверной Италіи?

Неужели Гваренги могъ позаниматься прямо изъ узража „Quattro libri dell'architettura“, Andrea Palladio, перенесеннаго много разъ, начиная съ 1580 годовъ, готовый планъ и примѣнить его къ заказанному ему проекту? Между тѣмъ сходство плановъ этихъ двухъ построекъ значительно! И здѣсь и тамъ (но для Пануровки, какъ дома въ Россіи это представляетъ мало удобствъ въ климатическомъ отношеніи) — въ фасадѣ дома сдѣлана ниша, слегка выступающа изъ нея, поставлены портикъ изъ 6 коринтскихъ колоннъ. Прямо изъ ниши вы входите въ удлиненную комнату. Слѣва узкая дѣстница на антресоли, справа служебныя помѣщенія. Прямо обширный, занимающій середину дома, квадратный двухсѣльный залъ, покрытый подобіемъ зеркальнаго свода, расписаннаго живописью; въ концѣ зала, налѣво

и направо входъ въ продолговатыя комнаты. Словомъ, разбивка помѣщений, даже ихъ пропорціи и ихъ количество — совпадаютъ совершенно!

При этомъ едва ли этотъ планъ былъ такъ удобенъ (мало свѣта въ залѣ, впрочемъ какъ и въ Villa Valmagna), несмотря на всю свою парадность и пышность.

Однако, таковы были вкусы; таково было подчиненіе итальянскимъ традиціямъ и вліянію моды; Микеланджело правилось это строгое холодное величіе высокихъ залъ, гдѣ-то тамъ въ подумракѣ расписанныхъ all fresco, ему казался единственно допустимымъ украшеніемъ этотъ благородный портикъ, гладкій фронтоны. Правилась мощь пропорцій, суровое величіе ордера, и все это и только это — можно сказать — соответствовало вкусу закаленного въ бояхъ, войнахъ, скатерининскихъ временахъ, сенатора, „извѣстнаго въ молодости своей красотой, которую онъ, можно сказать, не утратилъ до самой смерти: прямой, величественный станъ его сохранилъ и въ старости прежнюю стройность, а выразительное лицо и нѣзримая улыбка вполнѣ высказывали врожденное душѣ его благородство, доброту, кротость и все достоинство человека, совершившаго великія жизни, которую такъ лаконично характеризовалъ сѣившій на тулѣ его девизъ: „Польза, слава, честь“.

И домъ въ Пануровкѣ отражалъ вполнѣ именно эту общую физіономію его строителя — человека строгаго, прямого, высокаго вкуса, величественныхъ жестовъ, и стиль дома соответствовалъ единственному, считавше-

Часы и 2 жирандолы.

ФОТ. Е. М. ЖЕЛАЗЕНСКОЙ.

да благороднымъ, типу архитектуры—полессическихъ традицій.

Многограннымъ), полковникомъ Стародубскимъ—портретъ котораго украшаетъ собою и поминный торжественный залъ Пануровскаго дома—наклонѣ лѣтъ является строителемъ усадьбы въ стилѣ итальянскихъ виллъ.

„Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества“ стовникъ войска запорожскаго стародубскій полковникъ С. П. М., изображенный въ чудесномъ одѣяніи изъ парчи, въ красныхъ сафьяновыхъ сапогахъ, съ лицомъ серьезнымъ, суровымъ и производящимъ нѣсколько жуткое

церкви—ensemble построекъ, отражающийся въ сонной водѣ пруда, поросшаго камышемъ и „зелѣмъ татарскимъ“.

Переѣхавъ плотину и сдѣлавъ бойко традиціонный обѣздъ крутой клумбы передъ домомъ—дошади лихо подвозятъ васъ къ колоннадѣ дома, поставленной на высокой пандусѣ съ широкой и пологой лѣстницей.

Пройдя обширную высокую переднюю, входимъ въ залъ, столь пріятный прохладою своею въ лѣтній зной. Живопись изображаетъ небо, видное сквозь открытую баллюстраду. Съ плафона, расписаннаго орнаментомъ, спускается огромная люстра. Стѣны зала расцве-

Фасадъ дома въ Пануровкѣ.

печатливѣе, сутуловатый и съ безусловно азіатскимъ отблескомъ въ своей вышности—въ началѣ столѣтія; и стройный, просвѣщенный, во фракѣ со звѣздами, и съ сарпейскимъ ужимымъ лицомъ, изысканной вышности—въ концѣ этого же столѣтія... Вотъ какъ быстро эволюционировали люди XVIII столѣтія; вотъ какія метаморфозы были возможны еще тогда!

II.

Пройдавъ печальную русскую деревенку—съ широкими улицами, убогими хатками, колодцами съ „журавлями“, и лужами воды около нихъ, съ понурыми ракетами, съ огородами, коноплянными зарослями и клунами—вы видите вдругъ бѣлую высокую вдали колоннаду, два флигеля по бокамъ ея, часовенку и

вены колоннами ионическаго ордера, несущими на себѣ арочки полукрутыхъ оконъ (венеціанскихъ). Фризъ украшенъ розетками и меандромъ (золотымъ по пурпурному полю); прелестныхъ профилей карнизъ отдѣляетъ нижнюю часть стѣнъ залы отъ второго яруса, на которомъ написаны иѣжныя панно съ видами аркадской страны. Богатѣйшій карнизъ вѣшаетъ стѣны зала и плоскій сводъ съ обширными распалубками перекрываетъ его. Въ щеляхъ распалубокъ также живопись, изображающая раковины окруженныя лавровыми листьями. Во фризѣ вѣчающаго карниза орнаментъ богатѣйшей росписи, изображающей гирлянды, перевитыя лентами.

Торжественный залъ полонъ глубокаго настроенія, особенно когда звуки меланхолическаго вальса пе-

Деталь гостиной.
фот. Б. М. МИКЛАШЕВСКИЙ.

сутся къ высокому его плафону, погруженному всегда въ полумракъ.

Изъ предметовъ, находящихся здѣсь кромѣ портрета М. П. Миклашевскаго, упоминаемъ о портретѣ Александра Благословеннаго и Государыни — небольшихъ, но хорошихъ изображеній Императорской четы, подаренныхъ на память владѣтелю дома, по случаю посѣщенія его Государемъ, портретъ Петра I и др.

Залъ украшаютъ еще многіе другіе портреты родственниковъ владѣтелей Красно-Миклашевичей: Бакуринскихъ, канцлера Безбородко, (на племянницѣ котораго была жена М. П. Миклашевскій) и др. На старинной мебели стоятъ хрустальныя жирандолы итѣжной работы: деревца, гирлянды, цѣлые фонтаны хрустала различнаго рисунка съ прелестными вставками изъ цѣстныхъ стеколъ! Здѣсь же часы — одни большіе, англійскіе, другіе — еще болѣе интересныя на бѣлыхъ мраморныхъ колонкахъ, въ видѣ ротонды. Впрочемъ, не будемъ перечислять всѣхъ тѣхъ прелестныхъ бронзовыхъ, хрустальныхъ и много матеріала издѣлій, которыми буквально наполнены весь домъ. Много фарфора. Онъ собранъ въ столовой, гдѣ по стѣнамъ развѣшаны лишь лучшія тарелочныя издѣлія завода Миклашевскихъ (имѣнія Волокитина, другихъ Миклашевскихъ, прославившихся фарфоровымъ заводомъ, выдѣлявшимся даже иконостасы этого фарфора. Лучшее собраніе фарфора Миклашевскихъ, истрѣчающагося вообще почти во всѣхъ коллекціяхъ, какъ и фарфоръ Гарднера или А. Попова — у г. Гаизенъ, въ Кіевѣ). Въ гостиной — чудесныя чашки, кувшинчики, флаконы, вазочки, фигурки и т. п. предметы напол-

няютъ собою витрины, уснащаютъ угольнички и украшаютъ этажерки.

Въ гостиной есть еще два, три интересныхъ портрета и особенно хороша огромная, стіла Louis XVI, люстра, съ сердцевинною зеленога стекла (хотя лучшія въ этомъ родѣ и исключительно большія люстры находятся въ имѣніи родственниковъ Миклашевскихъ, въ усадьбѣ „Отчино“).

Далѣе, нѣтъ, въ спальней, интересно украшенной нишею, обработанною колоннадою юническаго (типа Эрехтейонъ) ордера, висятъ чудесныя виды Италіи, и много копій лучшихъ мастеровъ. Здѣсь же часы (англійскій ампиръ), старинный шкафъ, жирандолы...

Наверху, поднявшись по узенькой лѣсенкѣ со старинными балаясными въ антресоли — попадаешь въ царство уюта. И здѣсь, какъ въ тѣхъ пышныхъ парадныхъ комнатахъ, много предметовъ старины — мебель разныхъ деревъ, портреты и рисунки въ дѣльных „окантовкахъ“, которыми буквально залѣплены всѣ стѣны; а шкафы шифоньерокъ набиты старинными гравюрами, литографіями и картинками изъ „Moniteur de la Mode“ и другихъ журналовъ первой половины XIX столѣтія.

Здѣсь мнѣ портнихъ, кружевницъ, вышивальщицъ и въ шкафахъ хранятся старинныя платья, матеріи и платки — гардеробъ первой половины XIX столѣтія.

И весь видѣнный нами образъ Пануровки заставляетъ повторить въ то, что цѣлы еще и въ наше время заветы античнаго искусства, что сохранены и до сихъ поръ — и именно въ Россіи, въ ея глухой провинціи — остатки примѣчательной красоты, какъ жили еще по сегодняшній день повѣрья и преданія давнишнія...

Хрустальное деревцо.
фот. Б. М. МИКЛАШЕВСКИЙ.

Часы и жирандолы.
 рис. В. М. Николаевский.

Не в мечтах, а на яву передь нами и формы
 полная красоты, и жизнь, полная чудесъ.

Выйдя на террасу, ведущую въ садъ, ѣсколько
 огорчишься тѣмъ, что пристройка этой вер-
 анды, сдѣланная сравнительно недавно,
 мало соотвѣтствуетъ стилю самого дома и
 что она даже не въ характерѣ эпохи, но
 зато уютъ прохладной тѣни трельяжа, уви-
 таго виноградоу, заставляетъ позабыть о
 янкогормъ художественномъ несоотвѣт-
 ствѣ, — и такъ приятно, растянувшись на
 chaise-longue, дремать, слушая шумъ ста-
 риннаго парка, вдыхать ароматъ липовыхъ
 деревь, наслаждаться сладостно сельской
 жизни, вкушать всѣ яства полей, садовъ,
 оранжерей, усадебъ...

Передъ этимъ фасадомъ дома—обшир-
 ная, круглая площадка, въ началѣ ея
 цѣпникъ, а далѣе газонъ, окаймленный
 кодыномъ развѣсистыхъ деревь.

Налѣво недалекъ старенькій, хорошей
 архитектуры, деревянный домикъ, наполнен-
 ный книгами (около 3-хъ тысячъ томовъ) на-
 чала XIX вѣка въ чудесныхъ переплетяхъ:
 „Les Ruines de Palmyre“—1753; „Lettres sur
 l'Italie“—1785; Une édition magnifique de
 Racine, Corneille, Voltaire—1792; Traité sur
 la peinture de L. d. Vinci—(1803), Les oeuvres
 de Palladio — 1675, les Metamorphoses
 d'Ovide—1767 (Paris, Barrois) и многихъ дру-
 гихъ хранителей ума и вкуса минувшаго.

Далѣе въ паркѣ оранжерей—въ нихъ
 вьется виноградъ, желтѣютъ абрикосы и дозреваютъ
 персики...

За оранжерей аллея тѣнистая, уютная и разная
 „любимая“ мѣста. Вотъ „дѣлая любви“, вотъ „гротъ
 зеленый“, „гротъ вѣздохотъ“ и т. п.

Вернувшись въ домъ, усявшись у окна на антре-
 соляхъ, можно предаться думамъ о всѣхъ богатствахъ,
 разланныхъ по равнинамъ и лѣсамъ Россіи. По до-

рогамъ непроѣзжимъ, какого труда стоило
 нести когда то всѣ эти жирандолы, люстры,
 бра, мебель, вазы, и портреты! какая лю-
 бовь къ красивымъ предметамъ наполняла
 сердца нашихъ предковъ, если они сумѣли,
 преодолевая всѣ трудности, иля на огром-
 ные затраты, насадить среди полей и чащѣ
 болотныхъ—образцы такой художественной
 культуры!..

Выйдя изъ усадьбы къ плотинѣ, встрѣ-
 тимъ очаровательную часовенку, теперь бес-
 сѣдку, занятую библиотекою—прекестный
 классическій храмъ! Рядомъ—церковь, въ
 ней рѣдкое, времени Алексѣя Михайло-
 вича, евангеліе. Архитектура церкви—нарыш-
 кинское (Московское) половини XVIII столѣ-
 тія—барокко. Но формы ея просты, детали
 немногочисленны, и храмъ по своимъ мас-
 самъ сливается и съ часовней, и съ оградой,
 и съ домомъ въ одинъ ensemble, который
 мы видѣли при въѣздѣ. Мелькнувшій и отра-
 женный въ сонныхъ водахъ пруда, этотъ
 видъ, когда мы покидаемъ Пануровку, снова
 передъ нами.

Античнымъ видѣніемъ, почти „фрагмен-
 томъ“ Эллады, представляется намъ снова
 вся усадьба. Сквозъ гирлянды плакучихъ
 иль виднѣтся вся эта бѣлая и стройная
 группа построекъ. А шестая камышей
 какъ будто разскаываетъ о дѣяннѣхъ и
 стремленнѣхъ бывшихъ людей, любившихъ
 прекрасные образы, также какъ доблестные
 подвиги, какъ нравственные заслуги.

И когда возвращаешься болотистыми перельсками
 къ далекой станціи узкоколейки, въ чащѣ, гдѣ ра-
 стутъ яркія дикія ягоды и бѣлѣтъ ландшафтъ—испо-

Часы, канделябры и вазы.
 рис. В. М. Николаевский.

минается снова и греческая колоннада портика, и
 хранникъ-ротонда, и покои, убранные въ „классичес-
 кое“ вкушъ.

И тогда почувдится, что изъ этой заросли болот-
 ной выглядываютъ и мерцаютъ веселые и насмѣш-
 ливые глаза дремного, но все еще живого Пана—
 бога лѣсовъ...

Георгій Лукомскій.

DANS LE MONDE DIPLOMATIQUE.

CHAMBRE DE LA REINE LOUISE.

Cette chambre est la reconstitution de celle, qui existe au château de Pareiz où a vécu la reine Louise femme de l'Empereur Frédéric Guillaume III. Au dessus de la cheminée, le portrait de la reine par Arthur Kampf.

L'AMBASSADE D'ALLEMAGNE.

L'hôtel particulier, qu'occupe actuellement l'Ambassade d'Allemagne sur la place d'Isaac, a été spécialement construit il y a deux ans pour cette Ambassade par l'architecte allemand Behrens, ancien membre de la „Künstler colonie“ de Darmstadt, et comme tel compte dans son pays pour architecte de talent. C'est à tort que les plans de cette construction, qui est très critiquée par certaines personnes, ont été attribués à Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne; de ce côté pleine liberté avait été laissée à l'architecte. Celui-ci a dit ou recherché d'abord la solidité, et de fait l'hôtel avec sa façade massive, construite en grès de Finlande, est à l'épreuve des siècles.

La famille de l'Ambassadeur actuel, S. E. le comte de Pourtalès, est originaire du sud de la France. A la révo-

S. E. L'AMBASSADEUR D'ALLEMAGNE ET LA COMTESSE DE POURTALÈS ENTOURÉS DU PERSONNEL DE L'AMBASSADE.

De gauche à droite: Capitaine de vaisseau de Fischer-Lossainen, attaché naval, M. de Lucins, conseiller d'Ambassade. Comte de Berchem, second secrétaire. S. E. l'Ambassadeur, comte de Pourtalès. La Comtesse de Pourtalès, M. de Bülow, attaché, M. de Pritwitz, troisième secrétaire. M. le Commandant de Eggling, attaché militaire.

Dans ce salon comme objets d'art remarquables on peut citer: un tableau représentant un sénateur vénitien par Cisterello.

HOTEL DE L'AMBASSADE D'ALLEMAGNE.

cation de l'Édit de Nantes cette famille quitta la France et vint s'installer dans la principauté de Neuchâtel en Suisse; une des branches de la famille passe de-là au service de l'Allemagne.

Le comte de Pourtales a fait déjà un séjour à Pétersbourg comme conseiller d'ambassade de 1888 à 1890. Il est ambassadeur dans notre capitale depuis 1907. La comtesse de Pourtales, née comtesse de Kanitz, est originaire de l'Allemagne

VESTIBULE D'ENTRÉE.

ESCALIER D'HONNEUR.

occidentale; son père occupe une grande charge à la cour à Berlin.

Le comte et la comtesse de Pourtales sont les heureux possesseurs de superbes objets d'art antique; quelques uns de ces objets figurent dans les catalogues des antiquaires comme pièces uniques. Nous citerons les deux bronzes — „Neptunus“ et „Méléagre“ par Sansorino du Cinquecento, puis une quantité de torse et de têtes antiques, et surtout une réproduction antique d'un torse, nommé „Doryphoros“, par Polyclète. Dans le cabinet de S. E. l'Ambassadeur on remarque encore de jolies et anciennes porcelaines de Sévres et une riche collection de statuettes de Tanagra.

FONTAINE DE LA SALLE A MANGER.

GRANDE SALLE DES FÊTES.

Portrait de S. M. l'Empereur Guillaume II en costume des Gardes du Corps, par le professeur Alfred Schwarz.

ИМЪНИЕ АЛЕКСАНДРОВКА.
КАМЕРГЕРА ВИС. ДВОРА А. В. ГОЛУБЕВА.

Старая барская усадьба в Екатеринославской губ., Славяно-сербском у., в пяти верстах от города Луганск. В 40-х годах прошлого столетия она принадлежала известному богачу Сомову. Постройку дворца и других зданий усадьбы производил какой-то безвестный итальянец — путешественник. Внутри стены очень искусно раскрашены под мрамор. Этим же итальянцем построена и церковь.

Чудесный парк, с темными аллеями, прудами, с глухими уединенными уголками.

От Сомова имение перешло к князю Орбелиани, по второму браку — принцессе Мюрат. В 80-х годах оно было приобретено В. Ф. Голубевым, от которого и перешло по наследству к нынешнему владельцу, сыну В. Ф., женатому на дочери покойного адмирала Макарова — А. С. Макаровой.

ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ.

— «Немецкй „Императоръ“, самый большой пароходъ мира, поставленъ въ докъ на нѣсколько мѣсяцевъ для передѣлки».

— «Я вспоминаю, какъ на него прѣхала со мною дама, впервые вѣдуца на океанскомъ пароходѣ».

Мы взошли на пароходъ съ небольшого „тендера“, поднялись въ подъемной машинѣ съ дѣка „Р“ на дѣку „В“, на пять этажей, и вошли въ большой Social Hall.

— «А гдѣ же пароходъ?» спросила она.

— «Мы на пароходѣ?».

— «Нѣтъ, кромѣ шутокъ, когда же сядемъ на пароходъ?».

Вышло отъ насъ и показалъ се на роскошной лестницѣ къ ограждѣ на палубѣ, а мы кутили тамъ букеты розъ. Кругомъ уже было море: мы шли въ Америку.

— «Стоитъ жить, чтобы увидѣть такой пароходъ», — воскликнула она.

Англійскй „Олимпикъ“, другой океанскй колоссъ, не такъ поражаетъ сразу, но тамъ еще больше комфорта, настоящаго англійскаго комфорта. Англичане лучше всѣхъ понимаютъ комфортъ. Они умѣютъ тратить деньги на изысканную роскошь. А это мало хотѣть, надо еще умѣть!».

Другой собесѣдникъ сказалъ:

— «Да, удивительный народъ... Комфортъ до мелочей, практической комфортъ... Я вотъ долго не понималъ, почему англичане носятъ крапчатые рубашки только съ одной запонкой, носивъ французскй. Появилъ это неслучайно, когда протѣла выгладила мѣхъ эти французскй рубашки такъ, что онѣ топорщатся, какъ живъ застегивай: растянута нѣтъ испорчено, одна запонка дѣлаетъ, а другая нѣтъ! А при одной запонкѣ это невозможно...».

Всѣ засмѣялись.

— «Народъ практичности и комфорта—это вѣрно! Но вотъ не пойму до сихъ поръ почему англичане носятъ обручальныя кольца на лѣвой рукѣ, а мы на правой?».

— добавилъ третій.

Гербертъ Джорджъ Уэллсъ, знаменитый англ. писатель, бывший нынѣ въ Петербургѣ. Кусочно, что нѣкоторые репортеры смѣшались, что съ г. Уэллсомъ, тоже гостившаго въ Петербургѣ, — и разсказывали въ сотняхъ строкъ объ удивительныхъ охотничьихъ приключеніяхъ Уэллса, никогда не убивающаго ни одной зйрешки!

Гербертъ Джорджъ Уэллсъ.

ВЪ ЗРИТЕЛЬНОЙ ЗАЛѢ.

„ЦАРЬ ІУДЕЙСКІЙ“

(К. Р.—Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ и пяти картинахъ).

О впечатлѣніи, произведенномъ представленіемъ драмы К. Р. на сценѣ Эрмитажнаго театра, мы уже пришлось дать въ „Новомъ Времени“ краткій отзывъ.

Я позволю себѣ здѣсь повторить и развить основное положеніе моего отзыва, что громадное впечатлѣніе, производимое представленіемъ драмы К. Р., обусловлено не столько литературными достоинствами, которыя несомнѣнно, сколько чистотой чувствъ и настроеній, съ которыми авторъ подходилъ къ своей задачѣ. Однимъ литературнымъ мастерствомъ, хотя бы даже гениальнымъ, нельзя справиться съ трудомъ, задуманнымъ какъ служеніе Богу. Наоборотъ, извѣстная возвышенность помысловъ и намѣреній, то настроеніе, къ которому церковный обрядъ призываетъ насъ возгласамъ: „горѣ имѣемъ сердца“, даетъ совершенно неподражаемый отпечатокъ любому произведенію искусства, направленному къ религиозному достиженію, въ какой бы степени художественнаго совершенства это произведеніе ни стояло. Вѣдь никто не станетъ отрицать, что современные живописцы владѣютъ техникой рисунка и красокъ лучше Боти-

челли и Филиппо Липпи, но имъ не дано заражать насъ напряженностью молитвеннаго чувства, свойственной творчеству этихъ неумѣвшихъ въ извѣстномъ смыслѣ, но навсегда прославленныхъ мастеровъ. Литературные приемы, которыми пользовался К. Р. для созданія своей драмы, равносильны тому, что въ живописи называется „простою передачей“: нѣсколько скупыхъ ударовъ карандаша, чуть-чуть усиленныхъ двумя тонами краски, могутъ иногда лучше воспроизвести замыселъ художника, чѣмъ сложная, красочная, перегруженная композиція. И въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ простымъ, непритязательнымъ, вѣрнѣе сказать, кромѣ, съ тѣми старинными библейскими стихами, которыми написана столько классическихъ произведеній нашей строгой и чѣлоудрежденной литературы прошлаго вѣка. Кое гдѣ повышенное настроеніе подчеркивается скромною рѣчью, въ которой если нѣтъ Пушкинскаго блеска и напѣя, то, къ счастью, нѣтъ и современныхъ техническихъ вычуры. Планъ драмы тоже простой, она построена, такъ сказать, по общепринятому способу. И это хорошо: не отале-

„НАШИ ПРОФЕССОРА“.

А. А. Пиленко занимається спортом. (Шаржъ Пома.)

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ.

было шестеро за обѣденнымъ столомъ уютной

Еще Варронъ говорилъ, что число сидящихъ за столомъ не должно превышать числа музъ и не быть менѣе числа трагій.

Подали рыбу, и мой содѣлъ справа сдѣлать ужасную ошибку: онъ налилъ себѣ почти до краевъ стаканъ краснаго вина. Поступивъ такъ, этотъ человѣкъ доказалъ: во-первыхъ, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, какъ слѣдовало относиться къ рыбѣ, а, во-вторыхъ, что онъ не любилъ и не цѣнилъ того божественнаго напитка, который принято называть виномъ.

Вино!.. Въ Россіи „виномъ“ зовутъ шампанское, а къ настоящему вину относится пренебрежительно и, въ большинствѣ случаевъ, не умѣютъ его пить. Между тѣмъ, оно-то, дѣйствительно, и веселитъ, оно-то и слабиваетъ мысли, и полируетъ кровь. Шампанское, этотъ напитокъ высочайше, только туманитъ, нервируетъ и опьяняетъ. Между тѣмъ, какъ вино!.. Да, потъ, какъ примѣръ: лордъ Байронъ выпилъ двѣ бутылки кларета (такъ англичане зовутъ къ сожалѣнію всякое красное вино) перель тѣмъ, какъ написавъ свое знаменитое письмо „Шотландскаго барда“ въ отвѣтъ на нападки „Эдинбургской Газеты“; великій Рабле... Да, что вспоминать, подобныхъ примѣровъ слишкомъ много.

Тѣмъ временемъ, какъ я ѣлъ рыбу, мнѣ вспомнилось, и я сообщилъ объ этомъ моему амфитріону и его приглашеннымъ, какъ однажды, въ тѣ годы, когда я еще жилъ въ Парижѣ и любилъ приглашать иногда къ своему столу цѣлителей тонкой кухни, мнѣ удалось заинтересовать своихъ гостей однимъ новымъ, хотя и незамысловатымъ блюдомъ.

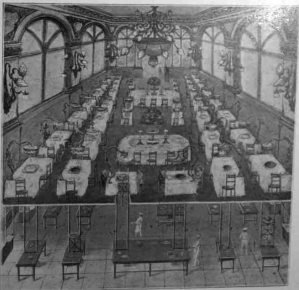
Рецептъ этого блюда былъ мнѣ данъ моимъ другомъ Жоржемъ Эскоффье, бывшимъ старшимъ поваромъ лондонскаго Рица. Блюдо это называлось „Demoselles de Cherbouurg sur saupres“. Несмотря на свое нѣсколько мудреное названіе, то было очень простое кушанье: маленькіе шербургскіе дангусты, которыхъ зовутъ тамъ „барышниками“, на кусочкѣ поджареннаго хлѣба, облитые легкимъ соусомъ на старомъ хересѣ. И, Боже, сколько толковъ и игривыхъ предположеній вызвало тогда появленіе на моемъ столѣ этого блюда, достойнаго трапезы боговъ...

Но люди ищутъ во всемъ „la petite bête“ и не могутъ обойтись безъ двусмысленностей, особенно за столомъ. За столомъ почему-то принято даже рассказывать анекдоты и вообще вести себя легкомысленно. Отчасти я объясняю это плохимъ качествомъ кухни въ большинствѣ современныхъ домовъ и ресторановъ. Разговоръ, конечно, способствуетъ пищеваренію и помогаетъ проглотить невкусный кусокъ. Но въ старину такъ не поступали. Во времена Александра Дюма и доктора Вернона малѣйшій трапезы являлись своего рода священнодѣйствіемъ „on s'écouter en silence“, какъ говаривалъ безжалостной памяти Брія-Саварь. Но и нынѣ. Лучше не вспоминать...

Быть хотя бы жаркое или то, что называютъ „grillades“. Теперь какъ за-

границей, такъ и у насъ, каждый трактирщикъ утѣшаетъ, что онъ умѣетъ жарить баранью котлету. И выходитъ нѣчто несъѣдобное. Хорошо жарить баранью котлету, такъ же трудно, какъ выиграть сраженіе. Во Франціи, напримѣръ, этому трудному искусству научились только въ началѣ прошлаго столѣтія. Но ни Карэмъ, ни даже этотъ гаупецъ Ватель не умѣли обращаться съ жаркимъ. Впрочемъ, восемнадцатый вѣкъ ѣлъ не ахти какъ. Онъ, главнымъ образомъ, усложнилъ кухню замысловатыми названіями и любилъ разнаго рода опасныя кулинарныя комбинаціи. Упрощеніе началось въ концѣ вѣка, и этому способствовало немало появленіе толковыхъ рецептовъ всѣхъ тѣхъ неисчислимыя и разнообразныя блюда, которыя подавались при Дворѣ. Въоспѣдствіи эти рецепты составили цѣлую книгу, которая была названа „Le Cuisinier Imperial“. Эту книгу послѣ паденія Имперіи забили „Le Cuisinier Royal“, впервые изданный во время царствованія Людовика XVIII. Теперь этотъ изысканный томикъ—большая рѣдкость. У меня когда-то былъ одинъ экземпляръ, но въ перелѣздахъ онъ затерялся и теперь я не могу достать его ни за какія деньги.

Людовикъ XVIII былъ большимъ обжорой, онъ поѣдалъ одинъ за своимъ завтракомъ восемнадцать котлетъ изъ молодого барашка. Приготавливались эти котлеты особымъ способомъ. Для того, чтобы сжарить одну котлету, жертвовали двумя. Три котлетки соединялись вмѣстѣ посредствомъ серебряныхъ щипцовъ и бросались въ жаровню, въ которой горѣлъ небольшой огонь изъ древеснаго угля. Двѣ котлеты обугливались, но весь сокъ ихъ входилъ въ ту изъ

Новый отель, сооружаемый въ Парижѣ.

Присауги вовсе не будутъ въ обшареный залъ, какъ и въ другія комнаты: въ сауты будутъ выполнены электрическими подълокотки, телефоны, грифами, лампами, пылесосами, шестами и проч. У каждаго стола свой телефонъ и подълокотки изъ кухни, дѣлающій при влѣтѣ казны.

орая находилась по середине, и эту-то кот-
лую, хорошо прожаренную, и подавали на
ей столъ.
Жаропни съ древеснымъ углемъ зашнѣны
плитами, котлеты зажариваютъ, какъ попало,
и ѣдятъ ихъ только для того, чтобы насытиться.
Кромѣ того, этотъ кусокъ молодого барашка поли-
вается разными англійскими соусами, отъ которыхъ
горло деретъ, или сдабривается каменскимъ перцемъ
и т. п.

Таковы были тѣ мысли и воспоминанія, кото-
рыми я подѣлился съ окружающими меня людьми за
столомъ въ тотъ вечеръ. Но благородный кулинарный
языкъ не пробудилъ въ нихъ никакого лиризма. И это
я объяснилъ себѣ тѣмъ, что у насъ не существуетъ
твердо установленныхъ кулинарныхъ традицій...

Тѣмъ временемъ, какъ я говорилъ, обѣдъ закон-
чился и мы перешли въ гостинную, гдѣ намъ подали
кофе. Конечно, появились изысканныя сахарныя щипцы,
которые люди моего вѣка считаютъ необходимыми
атрибутомъ чайнаго и кофейнаго сервиза. Но я помню
одного стараго французскаго маркиза, умершаго отъ
остраго гатизма лѣтъ пять тому назадъ на 92 году
своей жизни—господа, не смѣйтесь, доживите только

до его возраста—который каждый разъ, когда ему
подавали щипцы для сахара, бросалъ ихъ на полъ,
и —
«De mon temps on se lavait les mains...»

И онъ былъ совершенно правъ.

Но нѣкоторые усовершенствованія нашего вре-
мени меня все таки пѣтятъ. Такъ, напримеръ, хо-
зининъ того дома, въ которомъ я обѣдалъ, имѣлъ у
себя погребецъ для сигаръ. Этотъ погребецъ въ
видѣ небольшого несоразмѣрнаго шкафа или, точнѣе,
холодильника, обложенный изразцами, былъ ему
присланъ въ подарокъ однимъ американскимъ мил-
лиардеромъ. Въ немъ сигары прекрасно сохра-
нились, оставаясь всегда свежими и ароматичными. Ко-
нечно, такой приборъ куда лучше и практичнѣе тѣхъ
примитивныхъ горшковъ изъ глины, въ которыхъ
сохраняются и понынѣ разные „Хойи“ и „Флоры“ у
аристократовъ-испанцевъ или богатыхъ плантаторовъ
Гаванны. Но принципъ одинаковъ: сигара должна
быть сырая, и человѣка, подносящаго съ видомъ зна-
тока къ своему уху сигару для того, чтобы провѣ-
рить не хруститъ ли она, такого человѣка сѣдѣетъ
изгнать изъ общества порядочныхъ людей...

Ник. Бояжанинова.

Mr. Joseph Chamberlain —

„Лентильный съ орхидеями“, какъ зовутъ его въ Англіи. Каждый
день у него въ петлицѣ сидѣла орхидея той или иной разновидности,
по обыкновенію рѣдкая. Эта орхидея обходится Чемберлану
около 200.000 руб. въ годъ! Цифра поразжающая, но совѣсьмъ не
такая страшная для людей, доходы которыхъ исчисляются мил-
лионами. Итого на-дѣлъ одинъ англичанинъ купилъ у другого нѣ-
сколько картонныхъ въ цѣнѣ Локлендъ и заплатилъ честномъ... на
300 милліоновъ рублей.

ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ.

— „Прихожу сегодня къ баронессѣ, не узнаю комнаты: вѣдь
зелено-бурое молескинъ съ желтымъ шнѣтамъ—будущая красная
дерева, чистый александровскій амбиръ... Люстра, коверъ, даже
рамы картинъ—все новое!“

— „Да, молескинъ и декадентщина быстро вѣсьмъ модна!“

— „А напрасно! Въ молескинѣ много было красиваго!“

— „Этотъ стиль сталъ санникомъ быстро вѣсьмъ доступенъ,
потому его такъ и испортятъ!“

— „Англичане и здѣсь остались арно-аристократичны: они
мѣньше всѣхъ поддались увлеченію декадентства; зато нѣмцы—
этѣ раста современнаго міра—захлебывались отъ удовольствія въ
своихъ вычурныхъ выкрутасѣхъ мебели и архитектуры!“

— „Это правда, только зачѣмъ вы сами говорите такими вы-
крутасѣхъ...“

Мы уже писали о любительскомъ спектаклѣ, данномъ на квар-
тирѣ морскаго атташе французскаго посольства, лейтен. Галло (по-
втореномъ у пом. военн. атташе того же посольства, Вермиза).
Вотъ декорация одной изъ пьесъ — „Безумство Пьерро“, музыка и
слова Галло.

Все показано было на экранѣ тѣмной (китайскій тѣмн.)

Балъ blanc et noir у граф. Ел. Влад. Шуваловой.

Костюмированный бал у графини М. Эд. Клейнмихель.

Въ центрѣ Е. И. В. Великій Князь Павелъ Александровичъ, рядомъ съ нимъ Е. В. Принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій, въ группѣ нѣмцы: графъ Г. В. Шуваловъ, графъ М. А. Клейнмихель, графъ Дона-Шаботинъ, князь Трубецкій, князь Куропкинъ, князь того, среди присутствующихъ: графъ Крейцъ, рожд. Писляковскій, графъ Дона-Шаботинъ, К. К. Гирскъ, баронъ Пирпигицкій, Фитцджеральдъ, Фредерикъ, А. П. Половинъ, графъ Старовскій, князь Багратионъ, графъ Тотлебенъ, Нидеръ, посланникъ баронъ Энергетъ, графъ А. М. Габбе, графъ Д. М. Габбе, генералъ Кауфманъ, генералъ-адъют. Николаевъ, м-ръ Раевскій (президентъ), г-жа Никольская, г-жа Никольская и м. л.

ЗИМА ВЪ ГОРАХЪ ТИРОЛЯ И ВЪ ЕГИПТѢ.

Зимний спортъ въ Тироли.—На лыжахъ за лошадей.

ЗИМНИЙ СЕЗОНЪ ВЪ КАИРѢ.

Въ наступающемъ году сезонъ въ Каирѣ, благодаря господствующимъ холодамъ изъ французской и итальянской Ривьеры, а также продолжительному пребыванию въ египетскихъ водахъ средиземноморскихъ великихъ державъ, — въ томъ числѣ и русскихъ военныхъ судовъ, — особенно многолюденъ и оживленъ.

Но обыкновенно центромъ веселыхъ и спортивныхъ Каира является островъ Гезира и его величавая гостиница „Ghezireh Palace“, бывшая резиденція Иманла-паши, достройка которой стоила этому расточительному человеку столько миллионовъ. Она была мѣстопребываніемъ Наполеона III и императрицы Евгении, когда они приехали въ Египетъ на открытіе Суэцкаго канала.

„Гезиръ Паласъ“ продолжаетъ по-прежнему притягивать туристовъ и членовъ европейскихъ колоній въ Каирѣ, главнымъ образомъ, своими чудными садами и величавыми залами, образцовымъ выемъ въ стѣнахъ, балконами, пинами и пр. Въ этой гостиницѣ устраиваются нѣсколько разъ въ недѣлю „small dances“, на которыхъ всегда присутствуютъ „à la fleur“ офицеровъ англійскаго гарнизона, каирскаго общества и энтузиастовъ европейцевъ.

Подъ Новымъ Годъ въ паллахъ „Гезира Паласъ“ была данъ блестящій и многолюдный балъ, но „завтра былъ балъ, а завтра будетъ балъ“ и объ этомъ проедемъ балъ уже начинаютъ забывать въ ожиданіи нѣсколькихъ новыхъ баловъ.

Другія каирскія гостиницы, клубы и военные собрания всякую очередь соперничаютъ между собой въ устройствѣ рютовъ, танцевальныхъ вечеровъ и любительскихъ спектаклей. Среди этихъ зѣлъ свѣтскихъ развлеченій любителей спорта находятъ, однако, достаточно времени, чтобы предаться любимому занятию. На островѣ Гезира существуютъ прекрасно оборудованныя „tennis grounds“, мѣста для игры въ поло, а по близости находятся даже довольно сноснае „links“ для любимой англичанамъ игры.

Не существуетъ только зимняго спорта, но нѣкоторые предостерегаютъ и отъ зимнихъ американскихъ миссъ устраиваютъ снѣжные горы въ... самомъ „Гезиръ Паласъ“!

Обыкновенно, это дѣлается такъ. Въ этой гостиницѣ, есть высокая величавая лѣстница изъ розоваго мрамора, ведущая изъ апартаментовъ перваго этажа въ громадный „hall“, предшествующій столовой. И вотъ, практичныя американскія миссъ превратили эту драгоценную лѣстницу въ своего рода ледяную гору, по которой онѣ спускаются, снѣгъ... на большіе подножкі. Неизвѣстно, сколько повторилъ онѣ, такимъ образомъ, похвастаясь, по уже теперь забыты на чудной мраморной лѣстницѣ многочисленные слѣды этого своеобразнаго ползанія ея.

Кромѣ самого Каира, свѣтская жизнь не умолкаетъ и въ сосѣднихъ съ нимъ курортахъ. Особенно моднымъ мѣстомъ стала кинематическая станція Гельванскія, расположенная въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Каира среди песковъ и днѣхъ близлежащей пустыни.

Гельванскіе окончателю затмѣилъ средній ему курортъ Гезуанъ, куда ѣздитъ нѣмъ исключительно люди болѣлые и глѣ, какъ и прежде, не мало бываетъ русскихъ, страдающихъ болѣзнями почекъ и чистотой.

Но Гельванскіе не знаютъ, какъ въ крайній мѣръ дѣлается нѣмъ, что не знаютъ, болѣе. Тамъ ширеется одна радость жизни, и одно веселье, проявляющееся во всевозможныхъ видахъ, включая даже и охоту на шакаловъ въ лунныя январскія ночи. Эти охоты, главнымъ образомъ какъ тренировка, устраиваются молодыми англичанами и американками накануне изъ похвасты въ англо-египетскій Суэцъ и еще южнее, въ Угаду, на охоту на крупнаго зѣбра (big game).

Восхи также очень въ моду военная похвасты на осликахъ къ горбистымъ калыфамъ, и экскурсіи, и шипы въ банъ лежанія Менфиса, гдѣ свѣтскія люди между другими нападками урками египетской археологіи и исторіи, затравляютъ вокругъ лежачаго колоссальныхъ разрывовъ Оазиса, превращая его каменное, зашатавшееся тѣло въ столъ для „dinner“.

Блѣдный Оазисъ! Системныя американскія миссъ! Глобтерьеръ.

Зимний спортъ въ Тироли.—Хонкей на льду.

„Ghezireh Palace Hotel“.
Общій видъ и часть сада.

Къ статья „Зимний сезонъ въ Каирѣ“.

„Ghezireh Palace Hotel“.

Входъ въ ресторанный залъ и столовую.

Видъ на „Menha House Hotel“ (вблизи Каира, около знаменитаго сфинкса) съ высоты пирамиды Хеопса.

Я ЖДУ, Я ЖДУ...

Я жду, я жду тебя
Улыбка вдохновенная
Судьбы. Хочу любя
Обнять тебя, вселенная...
Чтобъ счастье-моя чаша сырая
Наполнилась моя,
Чтобъ людно наслаждался я
Дарами бытия!
Прости судьба всеисильная
Несвѣрности мои,

Склонись ко мнѣ умильная
Открой пути свои!...
Благому часу вѣрую
Придну какъ къ божеству,
Склоню главу покорную
И, рабъ твой, оживу...
Не пожалѣй участія
Судьба моя, о дай,
О дай мнѣ вволю счастья,
Любви, земного рая.

Л. Л. Толстой.

ШАХМАТЫ.

А. А. АЛЕХИНЪ.

Побѣдитель недавно окончившагося въ С.-Петербургскомъ Шахматномъ Собраніи Всероссийскаго шахматнаго турнира маэстро — и въ силу этого, участникъ всеобщаго международнаго чемпионъ-турнира тамъ же — Алексинъ, сынъ воронежскаго предводителя дворянства и члена Гос. Думы, родився 10-го октября 1892 г. въ Москвѣ, Воспитанникъ Училища Правовѣдѣнія.

Ученикомъ А. А. Алексина шахматиста весьма недавнее: какихъ-нибудь семь лѣтъ назадъ впервые онъ принялъ участіе въ одномъ любительскомъ турнирѣ, гдѣ и завоевалъ первый призъ. Это ввело его въ составъ игроковъ I категоріи Московскаго Шахматнаго кружка, въ турнирѣ которыхъ онъ въ 1907 г. оказался на четвертомъ мѣстѣ. Полученіе приза на слѣдующій годъ въ такомъ же турнирѣ расширило его дѣятельность, и онъ бѣдетъ за границу, гдѣ въ 1909 г. замѣстительный игрокъ и многіи журналисты, береть У призъ въ любительскомъ турнирѣ въ Дюссельдорфѣ, дѣлаетъ въ немъ матчъ съ маэстро Филинъ (+1 — 1 — 1) и обыгрываетъ въ матчъ стараго маэстро Фенъ-Бардольфа (+1 — 1). Побѣждая съ такимъ же результатомъ въ Москвѣ одного изъ ея лучшихъ игроковъ, Бахматова, А. А. Алексинъ участвовалъ въ 1909—1910 гг. въ Всероссийскомъ турнирѣ любителей, устроенномъ С.-Петербур. Шахм. Собраніемъ и здѣсь получая первый призъ — роскошную

вазу, пожертвованную Государемъ Императоромъ — а съ нимъ вмѣстѣ и званіе „маэстро“. Отсюда его успѣхи идутъ, быстро помыкались: въ 1910 г. онъ беретъ VI—VIII пр. на международномъ турнирѣ въ Гамбургѣ; въ 1911 г. на такомъ же, но гораздо болѣе многочисленномъ по составу, турнирѣ въ Карсбадѣ, получаетъ VII—XI пр. въ 1912 г. первый призъ на турнирѣ въ Стокгольмѣ, въ 1913 г. выигрываетъ матчъ (+7 — 3) у С. М. Левинскаго и беретъ первый призъ въ турнирѣ въ Швейцаріи; оказывается на первомъ и второмъ мѣстѣ въ четвертомъ турнирѣ С.-Петербур. Шахм. собранія, наконецъ, теперь является побѣдителемъ Всероссийскаго турнира маэстро.

Уже одно перечисленіе этихъ успѣховъ, нѣхъ быстрый ростъ съ достоянціей убѣдительною показывають, что въ лицѣ А. А. Алексина русскій шахматный міръ имѣетъ выдающагося представителя. Разсмотрѣвъ же его партии убѣдятся, что и на турнирѣ

шахматной аренѣ ему обеспечены верныя мѣста. Сила его игры же въ пріемы такъ и не въ ясно выраженной защитѣ. Гораздо рѣже проигрываетъ его драваніе въ сложныхъ позиціяхъ, гдѣ онъ имѣетъ инстинктъ, особенно же, гдѣ онъ имѣетъ неземную для простака подготовку дивинную комбинацію. Скрытый дѣтскій расчетъ — вотъ главное его орудіе, традиціонное напряженіе вѣи — вотъ основа его игры...

Евг. А. Эмское-Короскій.

Перепечатка статей и иллюстраций из журнала воспрещается. Законъ 20 марта 1911 года.

Група воспитанниц института и пригласивших воспитанников Пажеского корпуса, Правоведия, Личия и других учебных заведений. Направо съ краю—Почети. Овен, ген.-лейтен. М. И. Ушаков.

Первый № отпечатан двумя изданиями и полностью разошелся.
Хотя 2-го января было объявлено, что подписка принимается только без № 1, но, в виду многих запросов, первый № будет отпечатан еще одним изданием и разослан всем подписчикам.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

Журнал „КРАСИВОЙ ЖИЗНИ“.

Журнал посвящен светской жизни наших столиц, спорту, охотѣ, коллекционерству и, особенно, жизни русской усадьбы въ ея прошломъ и настоящемъ.

Двухнедельный журнал совершенно новаго въ Россіи типа; по образцу англійскихъ. Художественное изданіе на лучшей мѣловой бумагѣ, со многими иллюстраціями; картины и карикатуры въ краскахъ въ каждомъ номерѣ.

Журналъ печатается въ лучшей худож. типогр. въ Россіи „Голіке и Вильборгъ“.

Подписка на ГОДЪ: въ Петербургѣ 11 руб. 50 коп.
въ Россіи 12 руб. 50 коп.
за границей 40 франк.

Отд. №—75 коп., съ перес.—1 руб.

Выпавшимъ изъ редакціи для ознакомленія отд. № при подпискѣ скидка 75 коп.

Отдѣльн. номера у газетчик. не продаются—только въ больш. книжн. маг. и въ кіоскахъ жел. дор.

Подписка принимается—Спб.: 1) въ редакціи, Каменноостр., 59, тел. 211-76, 2) Невскій, 52, контора „Нов. Врем.“ и „Веч. Врем.“, 3) въ больш. книжн. магаз. въ Спб., Москвѣ и провинціи.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Всѣ газеты ведутъ хронику несчастныхъ случаевъ, вѣрно не пишутъ о счастливыхъ моментахъ жизни.

Жизнь вошла плохого; печального гораздо больше, чѣмъ веселаго, но есть же и хорошее, красивое;—объ этой красивой жизни писать не принято...

У насъ печатаютъ портреты интереснаго человѣка, его домъ, его жилище, и, пишутъ объ укладѣ его жизни только тогда, когда онъ умретъ, подаютъ въ крушение побѣду или въ судебный процессъ! Еще такое вродѣ дѣлѣ выступленіе въ общественныхъ дѣлахъ, но не всѣ же интересные люди работаютъ въ этой области, есть и другіе.

Заграничная печать—особенно въ странѣ самой совершенной культуры, въ Англіи—давно уже отступила отъ этого принципа. Въ англійскихъ газетахъ пишутъ не только некрологи, пишутъ также о радостномъ рожденіи, о помолвкахъ, балахъ, опискахъ и т. д.

Радостнаго такъ мало въ жизни, что его, казалось бы, надо подчеркивать, какъ можно больше говорить о немъ.

Недавнее русское усадьбы, съ ея своеобразной жизнью, укладомъ въ прошлое. Минуется быстро и жизнь города, многое становится лучше, а много жаль... Сколько погибло произведеній искусства, вдохновенія человѣческой мысли, благородныхъ традицій, красивой старины въ тѣхъ старыхъ усадьбахъ, въ домахъ, даже въ отдаленныхъ предметахъ, которые разрушены уже временемъ или самимъ человекомъ.

Красивая жизнь дѣлается не вѣдомъ, но она все-таки существуетъ, она создаетъ тѣ особая привилегіи, которые ставятъ когда-нибудь общинамъ достоинствъ. Хотѣлось бы запечатлѣть эти черточки русской жизни въ прошломъ, рисовать достоверно картину того, что есть сейчасъ, что осталось, какъ выдохнется, подчеркнуть красивое въ настоящемъ.

Эту задачу ставитъ себѣ редакція.

Всякая политика, партийность, классовая рознь будутъ абсолютно чужды журналу.

Редакторъ **Вл. КРЫМОВЪ.**